История философии

Т.Г. Щедрина – Продолжение разговора: новые письма Э. Гуссерля Г. Шпету	112
Э. Гуссерль – Письма Г. Шпету. Публикация и комментарии Т.Г. Щедриной, архео- графическая работа и перевод В. Янцена.....	114
Н.Н. Трубникова – Мудзю Итаэн и его время.....	121
Мудзю Итаэн – Хорошо сказал припадочный (Собрание песка и камней, свиток III, рассказ 1). Перевод со старояпонского и примечания Н.Н. Трубниковой.....	132
Е.А. Батова – Рассказы о сотворении мира в памятниках японской словесности	140
Записи о Великой Стране Солнечного Корня. Перевод со старояпонского и коммен- тарий Е.А. Батовой	151
К.Е. Троицкий – Переоценка ценностей в аксиологической мысли М. Вебера	154
И.В. Кузин – Коррекция рефлексии. Размышления над книгой В.В. Савчука “Топологическая рефлексия”.....	163

Критика и библиография

А.Л. Никифоров – В.А. Лекторский. Философия, познание, культура.....	170
Н.М. Смирнова – О книге В.А. Лекторского	176
П.С. Куслий – Е.Г. Драгалина-Черная. Онтологии для Убеляра и Элоизы.....	180
Коротко о книгах	185
Наши авторы.....	190

**Председатель Международного редакционного совета –
Лекторский Владислав Александрович**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Э. Агацци (Италия), **Ань Цинянь** (Китай), **А.А. Гусейнов** (Россия),
В.П. Зинченко (Россия), **А.Ф. Зотов** (Россия), **А.Н. Нысанбаев** (Казахстан),
А.П. Огурцов (Россия), **Т.И. Ойзерман** (Россия), **М.В. Попович** (Украина),
В.Н. Садовский (Россия), **В.С. Степин** (Россия), **Ю. Хабермас** (Германия),
Р. Харре (Великобритания)

Главный редактор – Пружинин Борис Исаевич

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

П.П. Гайденок, **А.А. Гусейнов**, **В.К. Кантор**, **В.А. Лекторский**, **В.Л. Макаров**,
В.В. Миронов, **Н.В. Мотрошилова**, **И.С. Разумовский** (ответственный секретарь),
А.М. Руткевич, **Ю.Н. Солонин**, **В.С. Степин**,
Н.Н. Трубникова (заместитель главного редактора), **Т.В. Черниговская**
Сайт журнала – <http://www.vphil.ru>

Двойное небытие и мужество быть. К философии неустойчивого вакуума

М. ЭПШТЕЙН

В статье рассматривается физическое понятие “неустойчивого вакуума” и его логические, онтологические и теологические импликации. Онтологически первичная структура *неустойчивого небытия* (не-небытия) включает двойное самоотрицание (“самоуничтожение ничто”), которое позволяет объяснить происхождение Бытия из Ничто. Отсюда проистекает и зыбкость, колебательность всего сущего, которое “не не есть”, т.е. проявляет свойства не утверждения, а двойного отрицания. Онтология обратной негации, превращения Сущего в Ничто, рассматривается в связи с метафизической загадкой рассказа Владимира Набокова “Ultima Thule”. Пограничность “не-не-бытия” ставит индивида перед экзистенциальным выбором между полным бытием и полным небытием, что соотносится с духовными исканиями в христианской и буддийской традициях.

The article deals with the physical concept of “unstable vacuum” and its logical, ontological and theological implications. The ontologically primary structure of the unstable nothingness (non-nothingness) includes a double self-negation (self-annihilation of nothingness). This explains the origin of Being from Nothing and also accounts for the unsteady, fluctuating character of Being itself and all existing things that in fact are only *not-non-existent*. The article further explores the ontology of the reverse transition from Being to Nothingness based on the analysis of the metaphysical enigma of Vladimir Nabokov’s story “Ultima Thule”. The liminal character of non–non-being imposes on an individual the existential choice between full being and complete nothingness, which relates to the spiritual paths in Christian and Buddhist traditions.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: неустойчивый вакуум, двойное отрицание, бытие, ничто, первоначало, Бог, творение, “не”, “себя”, буддизм, христианство, Владимир Набоков, Пауль Тиллих, Мартин Хайдеггер.

KEY WORDS: unstable vacuum, double negation, being, nothingness, God, creation, “no”, “self”, Buddhism, Christianity, Vladimir Nabokov, Paul Tillich, Martin Heidegger.

Среди величайших вещей, которые находятся вне нас, существование “ничто” – величайшее.

Леонардо да Винчи

Мефистофель: “Достаточно ль знаком ты с пустотой?”...

Фауст: “Дух пустоты, надеюсь, схвачен мной...”

Но я в твоём “ничто” надеюсь, кстати,
Достать и “всё” посредством тех же чар.”

Гёте. “Фауст”

Неустойчивый вакуум

Понятие вакуума занимает существенное место в современной физике, в том числе и в теории происхождения вселенной. Один из крупнейших современных физиков и популяризаторов науки Джон Барроу отмечает в книге с характерным названием “Книга Ничто: Вакуумы, пустоты и новейшие идеи о происхождении вселенной”: “Своеобразные и неожиданные свойства квантового вакуума определили его ведущую роль в фундаментальной физике середины 1970-х гг. С тех пор его значение все более возрастало и расширялось” [Барроу 2000, 230].

Важнейшее свойство вакуума – его неустойчивость, которая и делает возможным возникновение субстанции “из ничего”. Хотя само по себе пространство вакуума лишено материи, но в нем постоянно рождаются и исчезают виртуальные, т.е. принципиально ненаблюдаемые частицы. Неустойчивый вакуум (unstable vacuum) способен даже породить целые вселенные – по известной концепции, так произошел “большой взрыв”. Если Бог сотворил вселенную из ничего, то этот “материал” все еще ощутим в ее основе. Говорят еще о флуктуации вакуума, т.е. случайных и временных отклонениях от нулевого значения всех содержащихся в нем физических величин. По словам американского физика Эдварда Трайона: “Наша вселенная есть флуктуация вакуума <...> Спонтанное, темпоральное возникновение частиц из вакуума называется ‘вакуумной флуктуацией’ – это стандартное понятие в квантовой теории поля” [Трайон 1998, 222]. “Это вакуумные флуктуации в конечном счете ведут к собиранию вещества в галактики и звезды, вокруг которых могут формироваться планеты и зарождаться жизнь”, – поясняет Джон Барроу, парадоксально заключая: “Без вакуума книга жизни состояла бы из пустых страниц” [Барроу 2000, 245].

Вакуум определяется в квантовой теории поля как “низшее энергетическое состояние квантованных полей, характеризующееся отсутствием каких-либо реальных частиц. Все квантовые числа физического вакуума (импульс, электрический заряд и др.) равны нулю <...>. Понятие физического вакуума является одним из основных в том смысле, что его свойства определяют свойства всех остальных состояний...” [Физический энциклопедический словарь 1983, 61]. Следовательно, “вакуум” включает в себя понятия “отсутствия”, “нуля”, т.е. небытия каких-либо реальных частиц и физических величин. С точки зрения логической и лингвистической, “неустойчивый вакуум”, или “неустойчивое небытие” содержат в себе знаменательный повтор отрицательной семы (семантической единицы), выражаемой частицей “не”.

Физический вакуум может рассматриваться как проявление бытийного вакуума, т.е. изначального ничто, из которого по теологическим понятиям сотворен мир, а по космологическим понятиям родилась наша вселенная. Физическая концепция вакуума соотносится с фундаментальными свойствами бытия и располагает к дальнейшему философскому осмыслению, опыт которого и предлагается в этой статье. Если вакуум есть отсутствие частиц, то неустойчивость вакуума есть временное *отсутствие самого отсутствия*. Значит, в основе и вакуума, и его неустойчивости лежит некое общее “не”, которое и объясняет возникновение чего-то из ничего, частиц из вакуума. Вакуум как бы *вакуумит* себя, пустота самоопустошается, ничто себя *ничтожит*, образуя нечто от себя отличное, а в

конечном итоге и целую расширяющуюся вселенную. *Неустойчивость вакуума можно объяснить свойствами самого вакуума.* Поскольку в вакууме нет ничего, кроме ничего, то “не” обращается на себя, подвергается действию этого “не”, а тем самым и производит нечто, как минус на минус дает плюс. Здесь уместно процитировать Семена Франка, отметившего такую же обращенность “не” на себя в области эпистемологии, на подступе к “непостижимому”: “это ‘не’ направлено здесь *на само ‘не’*. В этом и заключается поистине безграничная сила отрицания, что оно сохраняет силу, даже *направляясь на само себя*, на начало, его конституирующее”¹.

Отсюда следует, что ничто может создавать нечто из самого себя. Ничто не нуждается во внешней силе, “иностранным агенте” для миротворения; оно нуждается лишь в самом себе, т.е. в способности быть направленным на самого себя. Из этого самоотрицания “не”, поскольку оно охватывает и область онтологии, возникают все конкретные предметы и отношения, бытие которых можно определить как двойное небытие, не-небытие. Интересная параллель этой онтологии двойного ничто – математическое отношение нуля к самому себе. По правилам арифметики деление на ноль запрещено, но исключение делается для деления на ноль самого нуля. Значение операции 0:0 считается “неопределенным”, и задача деления нуля на ноль имеет бесконечное множество решений, т.е. результатом являются все действительные числа [Выгодский 1966, 83]². Точно так же результатом отношения ничто к самому себе может считаться все множество существующих вещей.

Например, вакуум, очевидно, не наделен свойством теплоты; отрицанием этой “не-теплоты” является не-не-теплота, т.е. неустойчивое присутствие-отсутствие теплого. Каждое свойство нашего мироздания выводимо из этой самовакуации вакуума, самоничтожения ничто, которое делает возможным данное свойство и вместе с тем обуславливает его переменность, неустойчивость, потепление холодного и похолодание теплого. Если мы пристальнее взглянем в мир, нас окружающий, и в самих себя, то обнаружим, что все так называемые положительные признаки являются скорее *дважды отрицательными*, т.е. выступают в форме “не-не”, неустойчивости своего отсутствия. Светлое в нашем мире, поскольку оно то светлеет, то темнеет, – это неустойчивое отсутствие светлого. Неустойчивость позволяет ему проявиться, но не позволяет быть, т.е. присутствовать в своей полноте и постоянстве. Веселое во мне, как свойство моего настроения, как состояние моей души, – это не веселость как таковая, а неустойчивость не-веселого; и то же можно сказать о грустном. Мы постоянно ощущаем в себе вспыхивание и угасание этих настроений, как виртуальных частиц, возникающих из душевного вакуума.

Именно поэтому Платон вынужден был постулировать наличие подлинного бытия, устойчивых и тождественных себе сущностей, только за пределами нашего мира, в сфере вечных идей, а наш мир описал как совокупность призрачных теней, отбрасываемых этими идеями. Современная физика могла бы внести в это представление ту поправку, что исходное состояние – это не полнота бытия, а именно вакуум, отсутствие чего бы то ни было. Но поскольку это не-присутствие в свою очередь не-устойчиво, оно порождает тени, более светлые, чем то, что их порождает: светлеющие и темнеющие оттенки не-небытия.

Еще более, чем тень, к теории вакуума подходит “пузырь” – не просто метафора, но научный термин. Если тень производна от света, то пузырь произведен от пустоты и вмещает ее в себя. Отсюда физическое понятие “вакуумной пены”, т.е. множества пузырей, как бы вскипающих (флуктуирующих) на поверхности вакуума. Из этих квантовых вздутий, по мере их растяжения, “инфляции”, непрерывно рождаются вселенные, и одна из них – наша³.

Метафизика вакуума: “не” и “себя”

Есть два условия такого самодействия вакуума, которое делает его неустойчивым. Во-первых, вакуум может действовать на себя, только если в нем есть нечто похожее на возвратность, рефлексивность, так сказать, изначальная складка, способность сгиба, самореференции. “Не-” удваивается, чтобы подвергнуть себя собственному действию, ничтожить ничто и тем самым превращать его в нечто. Иными словами, чтобы вакуум,

как не-бытие, оказался не-устойчивым, способным выйти из состояния вакуума, в нем не должно быть никакой субстанции или материи, но должно быть свойство “самости”, способность быть объектом себя, т.е. действия “не”. “Не не есть” означает, что нечто уже существует⁴.

Во-вторых, такое двойное отрицание предполагает отличие второго “не” от первого. Неустойчивость – это не полное отрицание вакуума, а лишь отрицание его устойчивости. В самом деле, двойное отрицание, его итоговой смысл не равен первоначальному утверждению. Предмет красив: утверждение. Предмет некрасив: отрицание. Предмет не некрасив: двойное отрицание. Но “не некрасив” отнюдь не то же самое, что “красив”. Скорее, оно означает, что определение “некрасивый” не применимо к данному предмету. Не обязательно потому, что он красивый, а потому что он может быть где-то посередине между красивым и некрасивым – милым, симпатичным, привлекательным, небезобразным. Или он может быть просто другим, подležать другому типу описания, например, в терминах “высокого – низкого” или “достойного – недостойного”. Сказать о человеке: “он не неумеи” не означает, что он умен, а скорее подразумевает некий разброс вероятных качеств между “умен” и “неумеи”: неглуп, смышлен, кое-что соображает, по-своему схватывает, и т.д.

Точно так же и “не” (неустойчивость), накладываясь на “не” (небытие материи, вакуум), в итоге производит “не не есть”, “не ничто”, т.е. нечто среднее между бытием и небытием, субстанцией и вакуумом. В самом деле, всё в мире пребывает в колебании между “есть” и “не есть”. “...Наша вселенная – просто одна из тех вещей, которые время от времени случаются” [Трайон 1998, 225]. Как только “не” действует на “не”, т.е. само на себя, между ними возникает асимметрия. Отрицанием “ничто” производится не “всё” (полнота, реальность, абсолюти), а лишь неполнота самого ничто. Результатом такого двойного отрицания является “нечто”, “кое-что”, т.е. не полнота бытия, а неустойчивость становления, поочередность появления и исчезновения. Кванты даже в вакууме, т.е. при нулевой энергии, могут существовать, только совершая ненулевые колебания – флуктуации, которые в квантовой теории поля интерпретируются как рождение и уничтожение виртуальных частиц.

Вопрос о соотношении бытия и ничто объединяет физику и метафизику и может служить основой их грядущего синтеза, о котором мечтал еще Г.-В. Лейбниц. В статье “Начала природы и благодати, основанные на разуме,” он писал: “...Первый вопрос, который мы имеем право сделать, будет следующий: почему существует нечто, а не ничто, ибо ничто более просто и более легко, чем нечто?” [Лейбниц 1982, 408]. Вслед за Лейбницем и для М. Хайдеггера основной вопрос метафизики: “почему вообще есть сущее, а не, наоборот, Ничто?” [Хайдеггер 2007, 37]. Ведь можно представить себе наш мир абсолютно пустым, в нем нет ничего, даже “мира” как такового. Тем не менее мы наблюдаем мир, в котором есть нечто и некто, в том числе мы сами.

Прежде чем отвечать на лейбницевский и хайдеггеровский вопрос, стоит поставить встречный вопрос: а почему, собственно, “наоборот”? Нужно ли противопоставлять ничто сущему? Или именно ничто, благодаря способности ничтожить себя, и производит сущее? Тогда правильнее было бы сказать: “сущее есть именно потому, что ничто существует как ничто, т.е. ничтожит себя”: не противопоставлять две составляющие хайдеггеровского высказывания, а выводить одну из другой. В основе бытия – *небытие небытия*, двойное “не”. “Есть” – это лишь отношение между двумя “не”, тончайшая прослойка в “сэндвиче” не-небытия.

Сам Хайдеггер отвечает на свой вопрос иначе: ничто выступает как способ отношения бытия (прежде всего человеческого) к самому себе. “...Не будь оно заранее всегда уже выдвинуто в Ничто, оно не могло бы встать в отношение к сущему, а значит, и к самому себе” [Хайдеггер 2007, 32]. Иными словами, не бытие возникает из отношения ничто к ничто, а ничто есть условие отношения бытия к себе. При этом возникает следующий вопрос, на который Хайдеггер не отвечает: если первично бытие, то откуда берется ничто? Ведь в самом бытии не заложено то отрицание, которое позволяет ему производить из себя ничто. Напротив, ничто содержит в себе то отрицание, которое, приводя к ничтожению самого ничто, позволяет производить бытие. “Да” способно

лишь подтверждать себя другим “да”, тогда как “нет”, отвечая себе “нет”, способно производить “да”. Значит, ничто онтологически мощнее бытия, оно может создавать из себя бытие, а бытие не может создавать из себя ничто. С позиции Хайдеггера остается только предположить, что ничто – самостоятельное начало наряду с бытием, т.е. допустить дуализм, которого сам мыслитель, как монист бытия, старается избежать. Но только монизм небытия позволяет нам содержательно объяснить, как из этого первоначала возникает бытие.

Итак, метафизика, обогащаясь идеями физики, в частности, теории вакуума, будет вынуждена переформулировать свой основной вопрос. “Почему есть не только сущее, но и ничто, и как одно относится к другому?” Ответ в том, что сущее возникает как отношение ничто к самому себе, т.е. выражение не-исчерпаемости, бес-конечности. Любой плюс – это лишь двойное вычитание, наложение минуса на минус. Неустойчивость вакуума может быть выведена из *природы самого вакуума*, как его обращенность на себя, двойное действие “не”, *частичное отсутствие полного* отсутствия.

Чтобы такое двойное “не” состоялось, в вакууме должна быть способность отношения к *самому себе*. Но что такое это “себя”, откуда возникает здесь фигура возвратности?

Ничто и Бог

Здесь уместно вспомнить, что для некоторых религиозных мыслителей изначально Ничто отождествляется с Богом, или сам Бог есть Ничто, как определяет его Дионисий Ареопагит в своем “Мистическом богословии”. Это “Божественное Ничто” послужило впоследствии темой философски-мистических раздумий Мейстера Экхарта, Николая Кузанского, Я. Беме, Ф.В.Й. Шеллинга, Н. Бердяева, С. Булгакова, С. Франка. Сергей Булгаков пишет: “В Ничто родится всё... не только мир, но и бог, ибо и бог здесь рождается в Ничто и из Ничто <...>. Бог есть также лишь положение или модус абсолютного Ничто” [Булгаков 1999, 138, 147]. По Бердяеву, ничто предшествует Богу, даже рождает его из себя: “Из Божественного Ничто, из *Gottheit*, из *Ungrund*'а рождается Св. Троица, рождается Бог-Творец. Творение мира Богом-Творцом есть уже вторичный акт. <...> Свобода не сотворена Богом-Творцом, она вкоренена в Ничто, в *Ungrund*'е, первична и безначальна...” – [Бердяев 2003, 57]. Свобода также предшествует Богу, поэтому он не может ее ограничить, справиться с ней и своей волей устранить

С Бердяевым можно соглашаться или не соглашаться, но остается неясным, как из ничто, из *Безосновного* (*Ungrund*) рождается Бог-Творец и как из этого же ничто он потом творит мир. Оба эти перехода: от ничто к Богу и от Бога к миру – остаются произвольным допущением, теологической фантазией, если не обнаружить в самом ничто способности к такому последовательному и именно двойному переходу. Философия двойного “не”, или неустойчивого вакуума, позволяет объяснить этот процесс. Суть в том, что именно “не”, как первичное, вступая в отношение с *собой*, ничтожит *себя*, а тем самым создает и нечто отличное от *себя*. Что же такое это “себя”, “собой”? Очевидно, способность отношения к *себе*, *самоотрицания*, уже образует некую *самость*, субъектное начало внутри ничто. Это “Себя” и выступает в теистических системах как Некто, Бог, Творец. Можно предполагать, что “себя” изначально пребывает в ничто в свернутом виде, как его рефлексивная способность, как возвратная частица “ся” внутри действия “ничтожиться”. Это “ся” разворачивается в полносущное *себя*, в Самость и Самодетельность, в процессе самоничтожения Ничто, которое открывает в себе место для Иного, для Некто.

Всё далее производимое этой Самостью, или Творцом, составляет уже мир объектов, совокупность сущего. При этом процесс творения тоже может быть представлен как действие “не”, обращенное Субъектом-Творцом уже на самого себя. Таковы концепции *самоумаления* и *самоничтожения* Творца, лежащие в основе некоторых теологий, например, самосжатие Бога в акте создания мира, по Кабале. Это называется “Цимцум” – Бог

как бы жертвует собой, чтобы освободить место для не-Себя, для мира. Христианское понятие *kenosis*, самоопустошения Бога в его человеческой ипостаси, в жертвоприношении Сына, тоже может рассматриваться как действие того же начального “не”, обращенного на второй ступени уже на то “Себя”, которое возникает из отношения ничто к себе. “Не” оказывается тем динамическим принципом, который, обращаясь на себя, производит само это Себя, которое, в свою очередь, отрицая себя, производит не-Себя.

Как нечто происходит из ничто – величайшая метафизическая загадка. “Зачем и почему происходит эта эманация мира из единого Ничто, на это не может быть ответа, и не находим мы его и в учении Плотина...” – полагает С. Булгаков [Булгаков 1999, 149]. Но *само ничто* и содержит в себе начало своего ничтожения. Поскольку в ничто нет ничего, кроме *самого* ничто, оно становится *самим* для себя и в таком качестве само себя уничтожает. Только “не” обладает этой творческой способностью превращать *себя* в нечто иное. Только Ничто может объяснить происхождение Кто и Что из самого себя.

Таким образом, чтобы описать происхождение мира, достаточно двух логических кванторов: “не” и “себя”. “Не” в отношении себя, “не не”, и есть бытие, возникающее из ничего: сначала бытие Себя, Субъекта, т.е. Бога, а затем бытие не-Себя, объектов, т.е. мира.

Бесконечно делимый ноль⁵

До сих пор мы рассматривали путь от небытия к бытию: как из двойного небытия, из самоуничтожения ничто, возникает бытие, столь хрупкое, пенно-вакуумное <...>. Но возможно показать строение бытия из ничто “от обратного”. Онтологию мгновенного “обнуления” бытия мы рассмотрим в связи с метафизической загадкой рассказа Владимира Набокова “Ultima Thule”⁶.

Героя рассказа Фальтера, заурядного коммерсанта, внезапно осенила догадка о главной тайне мироздания. Открыв Это, он издает долгий нечеловеческий крик и как будто выходит из разряда живущих. Врач-психиатр, который пришел его исцелить от странного недуга и с которым он делится своим открытием, умирает на месте от разрыва сердца. «...Случайно разгадав “загадку мира”, он поддался изощренным увещаниям и поведал ее любознательному собеседнику, который от удивления и помер».

Что же случилось с Фальтером, как изменило его это открытие?

“Зять говорил, что из Фальтера словно извлекли скелет; мне же показалось иначе, что вынули душу, но зато удесятирили в нем дух. Я хочу этим сказать, что одного взгляда на Фальтера было довольно, чтобы понять, что никаких человеческих чувств, практикуемых в земном быту, от него не дождешься, что любить кого-нибудь, жалеть, даже только самого себя, благоволить к чужой душе и ей сострадать при случае, посылить и привычно служить добру, хотя бы собственной пробы, – всему этому Фальтер совершенно разучился, как разучился здороваться или пользоваться платком”.

О чем же мог догадаться Фальтер? Что лишило его человеческих чувств, любви, благоволения? И можно ли, узнав тайну Фальтера, не только остаться в живых, но и сохранить эти чувства и даже еще больше утвердиться в них?

То главное, что открылось Фальтеру, можно сформулировать так: мир состоит из множества конкретных вещей, и каждая из них может стать точкой отправления в нашем понимании целого. Но в точке прибытия, по мере охвата мира в целом, это Всё превращается в Ничто. Тайна всего сущего состоит в том, что оно не существует. Мы живем в мире, которого нет, как нет в нем и нас самих.

О том, что догадка Фальтера прямо относится к небытию, свидетельствует притча, которой он поясняет свое открытие художнику Синеусову:

“...В стране честных людей у берега был пришвартован ялик, никому не принадлежавший; но никто не знал, что он никому не принадлежит; мнимая же его принадлежность кому-то делала его невидимым для всех. Я случайно в него сел”.

Ялик никому не принадлежит, но все думают, что он принадлежит кому-то, и поэтому никто не обращает на него внимания. Здесь бытие: принадлежность ялика кому-то – выступает всего лишь как переходный момент между двумя отрицаниями: ялик никому не принадлежит, и на него никто не обращает внимания. Принадлежность кому-то – это отрицание *непринадлежности* и вместе с тем причина *невидимости*. Фальтер случайно сел в ялик небытия и разгадал загадку двойного отрицания.

Ничто, ноль бесконечно делимы и могут образовывать внутри себя сложнейшие структуры, оставаясь при этом ничем, ноле. Знаково-смысловой вакуум внутренне напряжен, и достаточно выделить в нем одну точку, т.е. внести в него один знак, как он тут же дает толчок к образованию других знаков и их иерархий, охватывающих собой все, что только можно означить и осмыслить в рамках данной системы – бесконечно растяжимой и расширяющейся вселенной.

Напомню, что прозрение Фальтера простирается абсолютно на всё сущее, и даже такое понятие, как Бог, не имеет никаких привилегий в открывшейся Фальтеру картине мира. Причем Фальтеру безразлично, откуда начинать рассуждение, какие пути ведут к открытию тайны. “Как я могу вам ответить, есть ли Бог, когда речь, может быть, идет о сладком горошке или футбольных флажках?”

Цепь отрицаний. Вездесущие нетки

Начнем, как предлагает Фальтер, не с Бога, а со *сладкого горошка*, пусть это будет первосутью, первоначалом вселенной X. Если есть *сладкое*, то, очевидно, по контрасту с ним должно быть и горькое, иначе понятие сладкого будет лишено определенности. В свою очередь, горькому кладется предел (и придается дальнейшая определенность) соленым, а соленому – кислым. Но вкус – лишь одно из чувств, и предел ему очерчивается соотносительностью с запахами, звуками, цветами. Так во вселенную X привносится все богатство чувственно воспринимаемого мира.

Второй элемент первосути – *горошек*. Он определяется отношением к другим растениям семейства бобовых: фасоли, сое, клеверу, акации... В свою очередь семейство бобовых определяется своими отличиями от других семейств: злаков, зонтичных, гиацинтовых, лавровых, ореховых... Далее, растения определяются в отношении минералов и животных, животные – в отношении человека... По отношению к человеку таким “не” выступают духи, ангелы и наконец Бог, как самое чистое из апофатических представлений, не имеющих облика и проявления, “сверх-НЕ”.

Конечно, можно начать построение вселенной X и с Бога – и далее определяющим его отрицанием положить начало всему, что не Он, следуя при этом уже не по восходящей, а по ниспадающей: вселенная, земля, человек, животные... дойдя в конце концов и до сладкого горошка. Все равно, чем начать и чем закончить, потому что Целое, которое мы таким образом получаем, состоит только из отрицаний. Каждое **не** есть все остальное. НЕ правит миром. Чтобы сладкий горошек мог быть тем, что он есть, т.е. сладким горошком, во вселенной X должно быть и все то, что НЕ есть сладкий горошек, т.е. **несладкое** и **негороховое** во всем разнообразии своих множащихся “не”, отталкиваний, отрицаний, инополаганий. Вселенная есть не что иное, как эта совокупность негаций, т.е. ее позитив растет из негатива, причем на каждый позитив приходится неисчислимое множество негативов. “Сладкий горошек” определяется, как нечто позитивное, всем тем, чем он не является, включая, например, “сладкую малинку” и “соленый горошек”. Каждый маленький позитив – это сумма всех его негаций, они переполняют его и превращают в нечто фантомное. Причем эта фантомность усиливается по мере умножения позитивов, т.е. наиболее фантомна Вселенная в целом, поскольку она есть лишь взаимонегация всех своих составляющих. Как верно замечает Н.М. Солодухо, “каждому элементу бытия соответствует бесконечность минус один элемент небытия” [Солодухо 2002, 70]. “Минус один” – это данный позитив, вычитаемый из бесконечности негативов. Горошку соответ-

ствует бесконечность не-горошков минус один. Поэтому “не” всегда бесконечно преобладает в онтологии мироздания.

Есть некая плодородность, множимость небытия в точке возникновения чего бы то ни было ниоткуда, причем эта точка абсолютно произвольна. Назовем эту условную точку, протыкающую вакуум, точкой А (альфа, начало). Сразу же возникает соотносительное с А не-А, поскольку “не-” – это и есть основной алгоритм вакуума, как абсолютного ничто. От не-А далее возникает не-не-А, которое являет собой нечто третье, не тождественное первому А. Например, если А есть белое, то не-А есть красное, не-не-А оранжевое, не-не-не-А желтое, не-не-не-не-А зеленое... Так выстраивается цветовая палитра. Потом следует “не-” относительно совокупности цветов – и на следующем уровне не-визуального восприятия возникают уже звуки или запахи, также образуя собой системы...

Пользуясь набоковским словечком, можно назвать такие не-явления, образованные негацией других явлений, “нетками”. В “Приглашении на казнь” мать Цинцинната, Цецилия Ц., описывает не-вещи, которые приобретали вид настоящих вещей в не-зеркале: «...такие штуки, назывались “нетки”, – и к ним полагалось, значит, особое зеркало, мало что кривое – абсолютно искаженное, ничего нельзя понять, провалы, путаница, все скользит в глазах, но его кривизна была неспроста, а как раз так пригнана <...>. [Б]ыло такое вот дикое зеркало и целая коллекция разных неток, то есть абсолютно нелепых предметов: всякие такие бесформенные, пестрые, в дырках, в пятнах, рябые, шишковатые штуки, вроде каких-то ископаемых, – но зеркало, которое обыкновенные предметы абсолютно искажало, теперь, значит, получало настоящую пищу, то есть, когда вы такой непонятный и уродливый предмет ставили так, что он отражался в непонятном и уродливом зеркале, получалось замечательно; нет на нет давало да, все восстанавливалось, все было хорошо, – и вот из бесформенной пестряди получался в зеркале чудный стройный образ: цветы, корабль, фигура, какой-нибудь пейзаж».

Нетка – это искривление вещи, а кривое зеркало (*коверкало*) – искажение правды. *Нетка в коверкале* выглядит как полноценная вещь, но это лишь взаимоналожение двух отрицаний, которые дают плюс. “Нет на нет давало да”. И однако трудно за каждым из таких “да” не увидеть составляющих его “нет”, т.е. бесконечно множющихся “неток”, из которых создаются все предметы. Как из упавших одна за другой костяшек домино, так из этих *неток* выстраивается система не-небытия: одно “не” опрокидывает другое “не”, и возникает множество “естностей”. Но во всем этом есть только логика отрицаний: именно множество “нетостей” и скрепляет всё вместе. Каждое производное от очередного “не” имеет вид чего-то положительного, поскольку все это существует внутри одной системы, но это положительность есть лишь способ отношения одного “не” к другому. Таков бесконечно множимый мир призраков, которые реальны друг для друга, но в своей общемировой сумме образуют ноль.

Всё как ничто. Петли пустоты

Если мы попробуем определить семантический вес языка в целом, то окажется, что он равен нулю, поскольку вся система знаков внутренне держится силой взаимоотрицаний. Например, есть понятия “дать” и “взять”, “высокое” и “низкое”, “большое” и “маленькое”, “земля” и “небо” <...>. Но все эти словесные значения, слагаясь друг с другом, взаимовычитаются и в сумме приводят к нулю. Представьте себе систему чисел, где на каждую плюс-единицу приходится минус-единица, на (+)тысячу (–)тысяча и т.д. Сложив всё, мы получаем ноль. Как следствие, язык никогда ничего не говорит. Ему нечего сказать. Говорит только речь, составленная из отдельных слов языка. Но взятые в своей совокупности все речи, когда-либо произнесенные и произносимые, образуют ноль. Точно так же все пословицы даного народа, если сложить вместе их мудрости, морали, советы, дают нулевой смысл.

Например, если свести воедино русские пословицы о соотносительной ценности слова и молчания, то в итоге они уравнивают друг друга. На каждую пословицу о преимуществе молчания приходится пословица о преимуществе речи.

О молчании говорят одобрительно:
Слово – серебро, молчание – золото. Кто молчит, не грешит.
Умный молчит, когда дурак ворчит.
Доброе молчание лучше худого ворчания.
Молчанкой никого не обидишь. Кто молчит, тот двух научит.

И осудительно:
Молчною прав не будешь.
Крепкое молчание ни в чем не ответ.
Молчит, как пень.
Молчит, как мертвый, как неживой.
Играть в молчанку.
Не та собака кусает, что лает, а та, что молчит да хвостом виляет.

(приводятся по сборнику пословиц В. Даля).

И так все пословицы: порознь что-то говорят, советуют, наставляют, но в сумме своей молчат. Это великое молчание языка среди всех речей, на нем изрекаемых. Мы говорим на языке, но сам язык ничего не говорит. На языке можно производить множество сообщений, но сам он ничего не сообщает⁷. Представим себе человека, который, произнося что-либо, одновременно охватывает своим сознанием язык как систему и слышит его молчание. Как смешны и жалки кажутся ему эти попытки выразить какой-то смысл, когда перед ним предстает язык как целое – великий немой. Собственно, так и молчит Фальтер; точнее, он говорит неохотно и произвольно, поскольку ему все равно, в какой точке начинается деление вакуума. Целое, внутри которого все представляется множеством разных смыслов и бытийностей, само есть небытие, несмысл.

Неудивительно, если наш всемир, эта расширяющаяся вселенная, внутри которой так много всего: планет, звезд, галактик, метагалактик, – тоже окажется несуществующей, как целое. В физике известна теория академика М.А. Маркова, согласно которой “из-за большого гравитационного дефекта масс полная масса замкнутой Вселенной равна нулю” [Марков 1976, 142]. Дефект массы образуется гравитационными взаимодействиями внутри вселенной, силами притяжения и отталкивания, которые расширяют вселенную изнутри и одновременно сводят ее совокупную массу к нулю для стороннего наблюдателя. Наша вселенная, если она замкнута, в целом представляет собой ничто, а если полузамкнута, то имеет размер элементарной частицы (и наоборот, известные нам элементарные частицы могут внутри себя представлять целые вселенные, со скоплениями галактик, звездами, черными дырами и т.д.). Такой – несуществующей или ничтожно малой – представляется она внешнему наблюдателю, каким и становится герой набоковского рассказа в момент своего прозрения: посторонним и даже как будто потусторонним всему сущему.

Послушаем Фальтера:

“Логические рассуждения очень удобны при небольших расстояниях, как пути мысленного сообщения, но круглота земли, увы, отражена и в логике: при идеально последовательном продвижении мысли вы вернетесь к отправной точке... с сознанием гениальной простоты, с приятнейшим чувством, что обняли истину, между тем как обняли лишь самого себя. Зачем же пускаться в путь?”

Некое положительное движение, приобретение знания, смысла, цели, осуществимо лишь на ограниченном участке бытия (цивилизации, языка), но когда совершишь полный круг и вернешься в исходную точку, то полнота объятий истины обращается в ничто.

Кажется, что единственно положительным моментом во всем этом мирообразовании является первая точка, “прокальвающая” небытие: от нее выстраиваются другие точки, от нее идет цепная реакция: не-А, не-не-А и т.д. Причем все они могут возникать и разное, и одновременно, как признак мгновенной системности взаимоотрицаний, образующих многосложность данного мира. Толкаешь первое домино – и сразу же опрокидываются все остальные. Протыкаешь точку в небытии – и сразу по нему расползаются трещины, образуя многоуровневые системы явлений.

По-видимому, так и произошло в начале нашего мира, которое физика описывает как “большой взрыв”, а Библия – “в начале Бог создал небо и землю”. Отсюда пошло разделение всех форм и разновидностей бытия: света и тьмы, дня и ночи, воды и суши, растений и животных, мужчины и женщины, древа жизни и древа познания добра и зла и т.д. Это А, первое не-ничто, от которого начало быть всё, чего не было раньше, этот выверт из небытия в бытие именуется “Высшим Началом”, “Первопричиной”, “Сверхпричиной”, “Творцом”, “Логосом”, “Первословом”, “Альфой”, “Абсолютом” и т.д. Согласно Библии, первая трещина в небытии прошла между небом и землею, но в других мирах она могла бы оказаться в другом месте, там, где беспредельное ничто переходит в определенность чего-то. Первоначалом в мифах разных народов является вода, гора, огонь, вулкан, землетрясение <...>. В этой же роли может выступать различие между горошком и фасолью, между круглым и продолговатым, между углом и прямой. Коль скоро было положено начало цепной реакции “нетостей” (земля – не небо, вода – не суша, круг – не квадрат), то эта реакция могла сразу или постепенно, но с той же неизбежностью, продуцировать все множество взаиморазделяющихся бытийностей. Когда костяшки домино стоят друг за другом и образуют сколь угодно большую, но при этом замкнутую, круговую систему, то какую бы из них мы ни толкнули первой, падают все остальные. Мысль о бесконечно великом приводит к мысли о бесконечно ничтожном. “Я царь – я раб – я червь – я Бог!” (Г. Державин). Если наш мир вмещает понятие Творца, то он вмещает и понятие червя, потому что таково свойство внутренней бесконечной делимости мира, который всё в себе содержит именно потому, что сам равен ничему. Всё есть Ничто, и находясь внутри Всего, как его малая часть, мы, тем не менее, не можем не чувствовать его тревожную небытийность, которая распространяется на нас самих. “Я” есть не-ты, не-он, не-они... Но и все они суть не-я. “Не” между нами, “не” вокруг нас, да и сами мы “не”.

Тут есть обо что споткнуться, как внезапно спотыкается Фальтер на своем ровном жизненном пути. “Falter” по-английски, собственно, и означает “споткнуться, заколебаться, пошатнуться”⁸. Если Будда – пробудившийся, то Фальтер – споткнувшийся. Будда постиг иллюзорность мира, и в осознании этой иллюзорности – путь освобождения от привязанностей и страданий, путь к нирване. Фальтер не идет так далеко, он спотыкается об иллюзорность мира и открывает тайну “не”, но не углубляет ее до нирваны. Или, можно сказать, что уже в этом мире он постиг вульгарно-эзотерическую форму нирваны. Вот почему из него как будто изъяли скелет и душу, и “никаких человеческих чувств, практикуемых в земном быту, от него не дождешься”. В том мире, где он вдруг оказался, нет никаких опор, есть только последовательность “не”, сходящих в бездну небытия.

Мы, проходящие существа, подсознательно догадываемся о своей “нетости”. Когда же это смутное сознание вдруг полностью проясняется, тогда-то и раздается тот душевраздирающий крик, который потряс ночную тишину маленького отеля, где остановился Фальтер. Заметим, что пришел он туда, “проведя гигиенический вечер в небольшом женском общежитии на Бульваре Взаимности”, “с ясной головой и легкими чреслами”. Такое опустошение физического бытия, “воли к размножению” очистило его ум и вдруг ясно представило ему ту истину, что бытие есть мнимость, что его, Фальтера, нет в том смысле, в каком он раньше воспринимал себя сущим, как нет и никого из тех, кто считает сущим себя. К этому, вероятно, добавилось и полученное на днях “известие о смерти единородной сестры, образ которой давно увял в памяти”.

Неудивительно, что и первого, кому Фальтер доверил эту тайну, жизнерадостного врача, постигает та же участь – мгновенная смерть. Поэтому Фальтер отказывается прямо отвечать на вопросы Синеусова и играет с ним в кошки-мышки, то как будто приоткрывая чуть-чуть свою тайну, то ускользая. Но сама эта манера переливать из пустого в порожнее, демонстрировать отсутствие предмета там, где он, казалось бы, должен находиться, соответствует содержанию тайны. Фальтеровский секрет отчасти напоминает то письмо, которое отчаянно разыскивают лучшие сыщики, исследуя самые сокрытые недра дома, – и не могут найти, поскольку оно находится на самом видном месте (“Похищенное письмо” Эдгара По). Пустотна сама логика Фальтера, независимо от смысла его великого откровения.

“Если вы ищете под стулом или под тенью стула и предмета там быть не может, потому что он просто в другом месте, то вопрос существования стула или тени стула не имеет ни малейшего отношения к игре. Сказать же, что, может быть, стул-то существует, но предмет не там, то же, что сказать, что, может быть, предмет-то там, но стула не существует, то есть вы опять попадаетесь в излюбленный человеческой мыслью круг”.

Здесь уместно вспомнить Витгенштейна: “То, что *может* быть показано, *не может* быть сказано” (“Логико-философский трактат”, 4.1212). Фальтер по той или другой причине не может *высказать* своей тайны, но *показывает* ее всем строем своей речи. Мысль Фальтера причудливо петляет, сплетая изящное кружево из петелек пустоты. Важно даже не то, что он говорит, а как он пустословит, создавая картину мироздания, состоящую из переливающихся пустот, из “других мест”, куда якобы перемещаются нужные вещи – и где их тоже невозможно найти.

Тайна посмертия

Фальтер подчеркивает, что вопрос о существовании или несуществовании Бога не имеет отношения к его открытию, но оно таково, что “заключает в себе объяснение и доказательство всех возможных мысленных утверждений” и “всякая мысль о его прикладном значении уже сама по себе переходит во всю серию откидываемых крышек”. Речь идет о некоем универсальном отношении между всеми вещами, которое связывает и бытие с небытием, или загробным бытием. Об этом расспрашивает его художник Синеусов, желающий узнать о судьбе своей умершей жены: есть ли там хоть “что-то” или там “ничего нет”?

Есть две контрастные позиции в отношении загробного мира. Либо он существует, и мы сможем вновь обрести в нем любимых и близких. Либо не существует, и тогда любимые и близкие, ушедшие из этой жизни, обретаются только в нас, в нашей памяти. Синеусов мечется между этими двумя предположениями, ему хочется верить в инобытие своей умершей жены, но он готов допустить, что он сам – ее последнее бытие в этом мире. Истина же, которую приоткрывает ему Фальтер, но которую Синеусов не способен понять, состоит в том, что между этим и иным миром нет особой преграды, что смерть ничего не меняет. Но вовсе не потому, что там, за гробом, есть вечное бытие. А потому, что и здесь, в этом мире, бытие исполнено мнимости. Есть только небытие, населенное призраками бытия, и если эти призраки переходят из одного мира в другой, то это не меняет их сущности, а напротив, подтверждает их призрачность.

То, что эти миры проницаемы друг для друга, подтверждается тем, что Фальтер повторяет художнику те слова, которые перед смертью, наедине, говорила ему жена и которые не могли быть известны никому другому: «...(ты уже не вставала с постели и не могла говорить, но писала мне цветным мелком на грифельной дощечке смешные вещи вроде того, что больше всего в жизни ты любишь “стихи, полевые цветы и иностранные деньги”)...». Это Синеусов, обращая мысленно к жене, вспоминает последние дни, проведенные с нею; скобки подчеркивают неважность, случайность этого осколка памяти, который Фальтер впоследствии вставляет в оправу своего всезнания, открытия “всего”. Он говорит Синеусову: “Можно верить в поэзию полевого цветка или в силу денег, но ни то, ни другое не предопределяет веры в гомеопатию или в необходимость истреблять антилоп на островках озера Виктория Ньянджи...” Тоже мимоходом, как бы в уступительном придаточном предложении, Фальтер приоткрывает Синеусову свое знание того, что говорила ему жена перед смертью. “Стихи, полевые цветы и иностранные деньги” – “поэзия полевого цветка или сила денег”.

Но знает ли он это, потому что “подслушал” или “выведал” от обитательницы загробья, – или потому, что эти три предмета входят в “серию откидываемых крышек”, т.е. открываются тем же самым ключом, который подходит ко всему? В самом деле, стихи и полевые цветы связаны банальной “поэтической” ассоциацией, а иностранные деньги дважды им обоим противопоставлены, потому что деньги сами по себе – антипоэзия, а

иностранный делает их менее практическими и сближает с поэзией, вносит признак незаинтересованности как кантовского критерия красоты. Тут выстраивается ряд тройных отрицаний: не – не – не. Культура высокая (поэзия) – природа (полевые цветы) – культура низкая (деньги) – культура высокая (иностранцы). Или, иными словами: поэзия знаков (стихи) – поэзия природы (полевые цветы) – проза знаков (деньги) – поэзия этой прозы (иностранцы).

Синеусов не понял Фальтера, не уловил даже прямой подсказки – повторения слов жены. Поэтому он представляет отношения двух миров с банальностью агностика или атеиста: пока он жив, в нем и через него жива его умершая жена, он хранит в своей земной природе ее идеальное бытие. “Страшнее всего мысль, что, поскольку ты отныне сияешь во мне, я должен беречь свою жизнь. Мой бранный состав единственный, быть может, залог твоего идеального бытия: когда я скончаюсь, оно окончится тоже. Увы, я обречен с нищей страстью пользоваться земной природой, чтобы себе самому договорить тебя и затем положиться на свое же многоочие...”. Фальтер же, видимо, полагает, что потустороннее бытие не менее реально, чем здешнее, но лишь потому, что здешнее бытие столь же ирреально, как и то, чем представляется загробное; и потому два эти не-бытия сообщаются, как два сосуда.

Через каждое “есть” ничто говорит само себе “нет”, т.е. дважды обнаруживает свою природу небытия. “...Узнав то, что я узнал, – если можно это назвать узнаванием, – я получил ключ решительно ко всем дверям и шкапулкам в мире, только незачем мне употреблять его, раз всякая мысль об его прикладном значении уже сама по себе переходит во всю серию откидываемых крышек”. “Откидывающиеся крышки” в рассказе Набокова – это серия отрицаний, обнажающих тайну бытия как двойного небытия. Пока шкапулки закрыты, нам представляется, что именно в них бытие сохраняет свою тайну. Но вот крышки откидываются, и выясняется, что в этих шкапулках ничего нет, точнее, есть самое загадочное из всего: ничто.

Религия: два пути от не-небытия

Двойное небытие, не-небытие, может переживаться как последовательность отрицаний, включающих и отрицание самого отрицания, – как множественное “не”, мир неток (случай Фальтера). Но гораздо чаще двойное небытие переживается как частичность, неполнота самого бытия, которое выступает не в собственной, утвердительной форме, а всего лишь как не-небытие. Вместо красоты – *не-красота*. Вместо добра – *не-доброта*. Вместо любви – *не-любовь*. Именно такое бытийно расслабленное состояние мира мы наблюдаем и вокруг себя, и в самих себе. Нельзя сказать, что нечто из наблюдаемого или переживаемого обладает полнотой реальности, скорее, это “неустойчивая нереальность”, которая описывается в таких выражениях как “это не не есть”, “меня не нет”. Все находится в переменном, вибрирующем интервале между бытием и небытием. По словам Сергея Булгакова, “все одновременно есть и не есть, начинается и кончается, возникает в небытии и погружается в него же, *бывает*” [Булгаков, 1999, 173]. Эта онтологическая расслабленность, неопределенность, “ни то ни се”, “шаткость-валкость” мироздания является признаком его возникновения из вакуума, и она особенно явственна на тех квантовых уровнях, где мир ближе всего к тайне своего происхождения из ничего.

Но и в самых обыкновенных вещах, например, листьях на дереве, обнаруживаются их “не-не”: они колебательны, непрочно, изнашиваются, ветшают, все время в изменении, исчезновении, и трудно сказать определенно, есть они или нет, и до какой степени. Через несколько месяцев их уже нет: смотришь на обнаженное дерево – и кажется, что листья приснились. А пройдет несколько десятков лет – и пережившим нас покажется, что приснились мы сами. “Но кто мы и откуда, Когда от всех тех лет Остались пересуды, А нас на свете нет?” (Б. Пастернак). Конечно, листья или люди более устойчивы, чем образы наших сновидений, но не слишком радикально от них отличаются, они принадлежат к той же онтологии “не-не”. “Мы созданы из вещества того же, /Что наши сны. И сном окруже-

на. /Вся наша маленькая жизнь” – Уильям Шекспир (“Буря”, 4.1). Это повторено Ф. Тютчевым: “Как океан объемлет шар земной, Земная жизнь кругом объята снами...”. “Панониризм” (“всесонство”) близок и мировосприятию набоковских персонажей. Из “Защиты Лужина”: «“В хорошем сне мы живем, – сказал он ей тихо. – Я ведь все понял”. Он посмотрел вокруг себя, увидел стол и лица сидящих, отражение их в самоваре – в особой самоварной перспективе – и с большим облегчением добавил: “Значит, и это тоже сон? эти господа – сон? Ну-ну...”».

Когда мы спим, то своим сознанием соскальзываем в забытьё-небытьё. Но и телесно мы погружаемся в небытие и, как смертные существа, исчезаем в нем. Все существует и не существует. Все перемененно, зыбко, тленно, все плывет, кружится, исчезает, как дым и как “тень, бегущая от дыма” (Ф.Тютчев). Это хорошо согласуется с картиной мира в буддизме. “Элементы бытия – это моментальные появления, моментальные вспышки в феноменальном мире из неведомого источника. <...> Они исчезают, как только появляются, для того чтобы за ними последовало в следующий момент другое моментальное существование. <...> Исчезновение – сама сущность существования; то, что не исчезает, и не существует” [Щербатской 1988^a, 141–142]. Нельзя сказать, что мы есть, в полном смысле слова “быть”. Правильнее сказать, что мы **не не есть**, мы **не ничто**, мы отличаемся от небытия, но только как из него приходящие и в него уходящие, как проявления его неустойчивости, виртуальные частицы, из него излетающие, пена, вскипающая на его поверхности.

Есть два радикальных способа избавиться от этого не-небытия, которое мучительно своей половинчатостью и, согласно буддизму, есть источник всех человеческих страданий. Первый путь – вернуться с волнующейся поверхности вакуума в его безмятежную глубину, т.е. стать ничем. “...Элементы, описанные выше, находятся постоянно в состоянии волнения, а конечная цель мирового процесса состоит в их постепенном успокоении и конечном угасании” [Щербатской 1988^a, 150]. Это последнее ничто, как цель полубытия в его постепенном самоизбывании, буддизм называет нирваной.

“Картина мира, которая явилась духовному взору Будды, представляла, таким образом, бесконечное число отдельных мимолетных сущностей, находящихся в состоянии безначального волнения, но постепенно направляющихся к успокоению и к абсолютному уничтожению всего живого, когда его элементы приведены один за другим к полному покою. Этот идеал получил множество наименований, среди которых нирвана было наиболее подходящим для выражения (понятия) уничтожения”. [Щербатской 1988^b, 202].

Нирвану, поясняет Ф.И. Щербатской, нельзя понимать как блаженство, поскольку блаженство – это ощущение, а в нирване нет ни ощущения, ни мысли, ни волевых актов, это “полное угасание сознания и всех ментальных процессов”, “это успокоение... до состояния полной нечувствительности” [Щербатской 1988^a, 154]. Нирвана – это вакуум физический, психический, ментальный: полнота небытия.

Другой путь – это становление к полному бытию, которое уже не мерцает и гаснет, а светит в полную меру. “И свет во тьме светит, и тьма не объяла его”. Это путь авраамических религий, в частности, христианства. По этому представлению, только Бог обладает полнотой бытия, тот, кто сказал о себе: “Я есмь Тот, Кто есмь”, как Он назвал себя Моисею. Назначение человека состоит в том, чтобы обожиться, стяжать себе вечную жизнь. В нынешнем своем состоянии человек лишен полноты бытия, все его радости отравлены сознанием собственной временности и смертности, он болеет, страдает, грешит, терзает и уничтожает себе подобных, клонится к небытию. Что такое *быть* в полной мере? Этого мы не можем себе даже и представить, хотя нам даны откровения, пример святых и опыт некоторых состояний, когда мы живем особенно полно, изобильно – в любви, творчестве и вере.

Попытаюсь передать ощущения своего не-небытия, вероятно, знакомые многим. С каждым возрастом я чувствую себя заново пробужденным, и все-таки меня не оставляет ощущение, что я глубоко, “многослойно” сплю и с каждым новым пробуждением перехожу лишь на следующий уровень сна, все более “реального”, но еще бесконечно далеко от яви. Что сделать, чтобы проснуться? Ущипнуть себя за руку – недостаточно. Нужно ущипнуть себя за сердце! За мозг! Какое переживание, какая мысль может привести к полному пробуждению?

Хочется посмотреть на бытие суровым, бесслезным, отстраняющим взглядом Будды, опознавшим в ней оболочку Майи. Я чужой на этом празднике жизни. Эта пьянка не для меня. Пусть те, кому охота, глотают сладкий яд пестрых впечатлений и сердечных привязанностей, – я знаю, что это всего лишь тревожный сон, которым вакуумная пена обволакивает меня, – и в этой пене я сам лишь один из радужных пузырьков. Поскорее лопнуть и стать наконец тем, что я емь, – ничем! Нырнуть в глубину этого пенного течения, уйти в тихие, незамутненные воды, в вечный покой океана пустоты. Стереть со своей души все следы влечений чистейшей губкой медитации-к-нирване <...>. Таков путь буддийского пробуждения: от мучительного полубытия к глубочайшему небытию.

Но возможно, что реальность последнего пробуждения лежит не ниже, а выше этой вакуумной пены, в том свете, который отражается в пузырьках, вскипающих на поверхности нестабильного вакуума. Выше, выше! “Света! Больше света!” “Mehr Licht!” – последние, предсмертные слова Иоганна Вольфганга Гёте⁹. Наполниться светом, перейти в энергию чистого свечения! Для этого нужен трезвый взгляд на всеничтожество сущего, которое любимо Творцом и опять и опять вызывается из небытия. Бытие клонится к небытию, но какая-то сила, порой именуемая благодатью, неуклонно влечет его вверх, вопреки его слабости, засыпанию, соскользанию в пустоту.

Мужество быть

Вопрос в том, можем ли мы, обретаясь в призрачности двойного небытия, совершить метафизический бунт, утвердить принцип бытия как новой точки отсчета? Возникнув как отношение небытия к себе, можем ли мы превратить эту зыбкую почву в опору новой бытийности? Быть может, к этому и призван человек, осознающий свое вакуумное полубытие и способный бытийствовать именно благодаря такому осознанию.

Вспомним декартово “Cogito ergo sum”: “Мыслью, следовательно, существую”. Если наш взор застилает пелена мимолетных, играющих, роящихся видимостей, то мысль выводит к осознанию природы бытия как двойного небытия. Но в открытии этой иллюзии сама мысль и становится основой подлинного, неиллюзорного бытия. “Осознаю, что я не-не-емь; следовательно, я емь”. Я бытийствую в осознании своего небытия. Через меня, через мое сознание бытие впервые становится первоосновой позитивной вселенной, отпечатанной с ее же вакуумного негатива.

Для этого необходимы два качества: сознание и мужество. Сознание позволяет человеку определить меру своего небытия, а мужество – преодолеть это небытие, утвердить себя в бытии. Сознание позволяет разорвать завесу чувственных кажимостей и углубиться в природу реальности как вакуума, а мужество позволяет совершить обратный путь из вакуума, из мерцания виртуальных частиц, – в полноту бытия. Только совместное усилие мысли и мужества способно одновременно и обнажить бездну под ногами человека – и укрепить его высоко над этой бездной.

Согласно Паулю Тиллиху, протестантскому теологу XX в., бытие требует предельного мужества именно потому, что исходное положение всего сущего – небытие:

“Мужество – это самоутверждение бытия вопреки факту небытия. Это акт, который совершает индивидуальное Я, принимая тревогу небытия на себя и утверждая себя либо как часть всеохватывающего целого, либо как индивидуальную самость. Мужество всегда подразумевает риск, ему всегда угрожает небытие; это либо риск утратить себя и стать вещью внутри целого, состоящего из других вещей, либо риск утратить свой мир в пустоте самосоотнесенности. Мужество нуждается в силе бытия, в силе, трансцендирующей небытие, которое переживается в тревоге судьбы и смерти, ощущается в тревоге пустоты и отсутствия смысла, присутствует в тревоге вины и осуждения. Мужество, которое принимает эту тройную тревогу в себя, должно быть укоренено в силе бытия, большей, чем сила индивидуального Я и сила мира этого Я” [Тиллих 1995, 109].

Трудно дается это *усилие быть* существу, погруженному по пояс, по плечи в небытие. Как выйти в область бытия из всех своих не-небытий, из снов и полуснов, химер и иллю-

зий, кошмаров и миражей, порождаемых чередой страхов и надежд? Невероятно трудно вылепить из себя, как полупризрака, *существо воистину сущее*, твердо стоящее в бытии.

Но не в том ли призвании человека, чтобы перевернуть онтологию двойного небытия, т.е. исходить из “есть”, пусть оно и проявляется лишь в отношении “не” к “нет”? Превратить промежуток не-небытия в сердцевину бытия, пережитого и осуществленного как да-бытие!

Такой переворот не означает восстановления платоновых или неоплатоновых идей полного бытия как изначального и бесконечного. Онтология неустойчивого вакуума не дает полному бытию никаких гарантий, никакой презумпции первоосновности. Физические вселенные и их свойства рождаются из кипения вакуумной пены – и нет гарантии, что любой из этих раздувающихся пузырьков не лопнет, не коллапсирует в исходный вакуум, превратившись в чисто виртуальную частицу.

Что касается духовного бытия, то оно тоже не несет в себе никаких гарантий. Мы постоянно чувствуем под собой осыпь небытия, оседаем в нее под тяжестью скуки, тоски, лени, отчаяния, равнодушия, пресыщения, нежелания жить. Как писал Гёте в “Фаусте”, “лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой”. Конечно, Ничто постоянно выталкивает нас из себя, следуя логике двойного отрицания, самоничтожения. Но самое большое, что оно может нам дать, – это позволить нам не-не-быть, т.е. вырваться из небытия посредством двойной негации. А вот положительное бытие и степень его полноты зависит уже исключительно от нас самих, от того, что мы делаем с собой. Бытие духа требует постоянных усилий духа. Как говорит Мамардашвили, комментируя Декарта, “мысль может держаться и существовать, если все время возрождается усилие мыслить” [Мамардашвили 1999]. Сначала человеку дан, вместе со всем космосом и каждой его частицей, *физический шанс не-небытия* – а затем лично к нему обращенный *нравственный императив бытия*. Между этим шансом и императивом – мужество быть, воля действовать, свобода творить: без гарантий на победу.

Так физика неустойчивого вакуума, философски переосмысленная, переходит в этику свободы и риска.

ЛИТЕРАТУРА

Барроу 2000 – Barrow J. The Book of Nothing: Vacuums, Voids and the Latest Ideas about the Origins of the Universe. New York: Pantheon Books, 2000.

Бердяев 2003 – Бердяев Н. А. О назначении человека, в его кн. Опыт парадоксальной этики. М.: Фолио, 2003.

Булгаков 1999 – Булгаков С. Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения // Булгаков С.Н. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1999.

Выгодский 1966 – Выгодский М. Я. Справочник по элементарной математике. М., Наука, 1966.

Гиндилис – Гиндилис Л. М. “Космология и мировоззрение” (http://svitk.ru/004_book_book/12b/2614_gindilis-kosmologiya.php).

Жижек 2012 – Žižek S. Less than Nothing. Hegel and the Shadow of Dialectical Materialism. London, New York: Verso, 2012.

Лейбниц 1982 – Лейбниц Г.-В. Сочинения в четырех томах: Т. I / Ред. и сост., авт. вступит. статьи и примеч. В. В. Соколов; перевод Я. М. Боровского и др. М.: Мысль, 1982. (Филос. наследие. Т. 85).

Линде – Катаева Т. Рождение Вселенной, по материалам беседы с Андреем Линде (http://wsyachina.narod.ru/astromy/universe_5.html).

Мамардашвили 1999 – Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. Под ред. Ю.П. Семеновского. М.: “Аграф”, 1999. Лекция 12 (<http://psylib.org.ua/books/mamar01/index.htm>).

Марков 1976 – Марков М. А. О природе материи. М.: Наука, 1976.

Солодухо 2002 – Солодухо Н. М. Философия небытия. Казань, 2002.

Тиллих 1995 – Тиллих П. Мужество быть, в его кн. Избранное. Теология культуры. М., Юристь, 1995.

Трайон 1998 – *Tryon E. Is the Universe a Vacuum Fluctuation? in Modern Cosmology and Philosophy*, ed. John Leslie. Amherst, N.Y.: Prometheus Books, 1998.

Физический энциклопедический словарь 1983 – Физический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.

Франк – *Франк С. Л. Непостижимое*. Гл. IV (<http://philosophy.ru/library/frank/01/6.html>).

Хайдеггер 2007 – *Хайдеггер М. Что такое метафизика? / Время и бытие. Статьи и выступления*. Пер. В. Библихина. СПб.: Наука, 2007.

Щербатской 1988^а – *Щербатской Ф. И. Центральная концепция буддизма и значение термина “дхарма”*, в его кн. *Избранные труды по буддизму*. М.: Наука, 1988.

Щербатской 1988^б – *Щербатской Ф. И. Концепция буддийской нирваны*, в его кн. *Избранные труды по буддизму*. М.: Наука, 1988.

Примечания

¹ С. Л. Франк имеет в виду, что “непостижимое” – это утвердительное понятие, оно содержит в себе двойное отрицание, поскольку само познание, “постижение” оперирует различающими отрицаниями: “это не есть то”.

² То же самое можно показать иначе. Известно, что при делении ноля на любое число получается ноль. Отсюда следует, что при делении ноля на ноль получается любое число.

³ По версии американского физика Андрея Линде, одного из создателей инфляционной теории космоса, процесс рождения вселенных из первичной вакуумной пены хаотичен и бесконечен, т.е. никогда не прекращается. Некоторые квантовые пузырьки растягиваются до размеров вселенных, вмещая в себя скопления галактик; некоторые аннигилируются, “лопаются” в момент рождения и возвращаются в вакуум [Линде]. См. также [Гиндилис].

⁴ Славой Жижек предлагает различать первоначальное “до-онтологическое” Ничто и Ничто как отрицание: «Таким образом, важно различать два Ничто: Ничто до-онтологического логова, “меньше-чем-ничто,” и Ничто как таковое, как прямое отрицание. Чтобы Нечто могло возникнуть, до-онтологическое Ничто подлежит отрицанию, должно быть выставлено как прямая/явная пустота, и только внутри этой пустоты Нечто может возникнуть, может быть “Нечто вместо Ничто”». [Жижек 2012, 945]. К этому верному, но слишком общему суждению нужны две поправки. Во-первых, эти два Ничто – два проявления, или две фазы одного Ничто, которое обращает на себя свое отрицание. Во-вторых, это два асимметрические Ничто, поскольку отрицанием первого Ничто порождается не Всё, а только Нечто.

⁵ Благодарю Геннадия Александровича Барабтарло, известного набоковеда, за ценные советы и глубокие замечания, которыми я воспользовался при работе над этой статьей.

⁶ Точнее, “Ultima Thule” – первая глава романа *Solus Rex* (1939–1940), брошенного В. Набоковым на второй главе. Автор пишет в Предисловии к последующей английской публикации: “Быть может, закончи я эту книгу, читателям не пришлось бы гадать: шарлатан ли Фальтер? Подлинный ли он провидец? Или же он медиум, посредством которого умершая жена рассказчика пытается донести смутный абрис фразы, узнанной или неузнанной ее мужем?”. Ответа на эти вопросы мы никогда не узнаем. Однако тот факт, что В. Набоков опубликовал “Ultima Thule” как отдельный рассказ (в 1942 г.), дает нам право отнести к нему как к завершенному произведению.

⁷ Конечно, если сравнивать один язык с другим, они несут в себе определенные сообщения; например, русский язык сообщает иную картину мира, чем английский или китайский. Далее, язык в целом несет в себе сообщение, если сравнивать его с другими, невербальными средствами коммуникации. На каждом уровне целостности система становится элементом другой системы и, следовательно, начинает говорить. Но чем ближе к Системе систем, к миру как Целому, тем ближе к нолю, тем глубже молчание.

⁸ По-немецки Фальтер (Falter) – “бабочка”, и здесь можно увидеть намек на метаморфозу героя, как бы прозревшего и обретшего новую жизнь, подобно бабочке в чреде перевоплощений. Но английский подтекст этого имени тоже подлежит учету. По сути, эти две интерпретации не противоречат друг другу. В английском есть такое словосочетание “faltering butterfly” (бабочка в прерывистом полете).

⁹ Правда, один из свидетелей утверждал, что было сказано “Mehr Nicht!”, “Ничего более!”, что еще раз подчеркивает бифуркацию, ведущую от полубытия к полному бытию либо полному небытию. Впрочем, за непочтительную интерпретацию последних слов поэта-олимпийца этот несчастный свидетель был посажен в сумасшедший дом.